

ЛЮБОВЬ, ЧЕСТЬ, ОТРААР.
ИСПЫТАНИЕ, КОТОРОЕ СЖИГАЕТ ВСЕ.

КУЗНЕЦ И ПЛАМЯ

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ ОТРААРА

ИСТОРИЧЕСКИЙ
РОМАН
О ЛЮБВИ
И МУЖЕСТВЕ

НАПИСАНО
АВТОРОМ
В СООТВЕТСТВИИ
С ИИ

Руслан Капаров

Кузнец и пламя

<https://litres.ru/74021204>

SelfPub; 2026

Аннотация

Роман представляет собой уникальный литературный эксперимент на стыке человеческого гения и передовых технологий: книга написана автором в соавторстве с искусственным интеллектом ChatGPT. Это позволило добиться кинематографичной визуализации текста, глубокой проработки исторических деталей быта Древнего Востока и высокой динамики сюжета. Сюжет и конфликты: В центре повествования находится Отрарская катастрофа — одно из самых трагических и судьбоносных событий в истории Центральной Азии. Сюжет развивается в двух плоскостях: Линия личной драмы (романтическая): Социальное неравенство и зарождение глубокого чувства между безвестным ремесленником Джанибеком и принцессой Айсулу. Война уравнивает их, превращая кузнеца в защитника цитадели и заставляя героев пройти путь от робких взглядов на рынке до совместного выбора между честью и смертью.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Кузнец и пламя

Глава

1. Мечты и тени

Сквозь золотистую степь неспешно вилась река Арыс, мерцающая под утренним солнцем. Вода её была прохладной и чистой, отражая безоблачное небо. В устье реки паслось стадо лошадей — статных, грациозных, с густыми гривами, развевающимися на лёгком ветру. Они неторопливо шагали по мелководью, иногда фыркая и взбивая копытами серебристые брызги.

Чуть поодаль стоял высокий, крепкий юноша с загорелым лицом и уверенным взглядом. Жанибеку было около двадцати пяти, и годы работы в кузнице сделали его плечи широкими, а руки — сильными. Он зачерпнул воду, но не спешил уходить, наблюдая за лошадьми. Его взгляд задержался на одной — изящной тёмно-гнедой кобыле с блестящей шерстью и гордой осанкой. Вожак стада то и дело останавливался рядом с ней, обнюхивал, отгонял приближающихся жеребцов, словно давая понять, что она — его.

Жанибек усмехнулся. Этот дикий табун напомнил ему о недавней встрече на рынке. Айсулу. Такая же статная, с той же жгучей тёмной красотой. Он видел, как она выбирала ткани, сдержанно улыбаясь купцам, но взгляд её был строгим, даже слегка надменным. Простой парень, ученик кузнеца, не мог рассчитывать на её внимание. И всё же он не мог забыть, как ветер играл с выбивающимися из-под покрывала прядями ее волос. Он вздохнул, подхватил вёдра и медленно направился к городу.

Дорога к городу тянулась через степь, расчерченную редкими кустами полыни и низкими холмами. Песчаная тропа была истоптана копытами лошадей, ослиными подковами и подошвами жителей, спешащих на рынок. Под ногами поскрипывали мелкие камешки, а тёплый ветер приносил запахи — сухой травы, далёких костров и пыли.

Жанибек шагал размеренно, чувствуя, как кожаные ремни от ведер врезаются в ладони. Мысли его снова вернулись к Айсулу. Дочь самого правителя города. Принцесса Отрара, если так можно было сказать. Росла ли она в роскоши? Скорее всего. Её отец был человеком властным, а семья — знатной и богатой. Её лицо почти всегда было скрыто под покрывалом, но те, кто видел ее, говорили, что она красива, как степная луна.

Но для Жанибека она была не просто далеким идеалом. Он видел её несколько раз на рынке, когда она выбирала ткани и украшения, словно обычная девушка, а не наследница

знатного рода. Он замечал, как строго, но уверенно она разговаривала с купцами, как внимательно изучала узоры шелка, проводя по нему пальцами. Эти движения были грациозны, продуманы, будто она знала себе цену. И всё же, была ли она счастлива? Или её свобода была такой же иллюзией, как тень облака, пробежавшая по степи?

Городские ворота уже виднелись впереди, и с ними — шум, суета и запахи базара. Отрар жил своей жизнью, а Жанибек — своей. Айсулу... Айсулу была частью другого мира, которой грезил наш Жанибек.

Мысли уносили его далеко от пыльной дороги. А что, если бы всё было иначе? Если бы он не был простым учеником кузнеца, а богатым купцом или даже воином, славным и уважаемым? Если бы мог принести Айсулу дары, достойные её статуса — золото, дорогие ткани, украшения с рубинами и бирюзой... Тогда он смог бы прийти к её отцу и, не опуская взгляда, попросить её руки.

Он представил, как она смотрит на него не с холодной отстраненностью, а с теплом, с лёгкой улыбкой на губах. Как они идут вместе сквозь шумный базар, а купцы зазывают их, предлагая лучший товар.

Но стоило мечте окрепнуть, как она рухнула.

— О! Только не говори, что снова думаешь про неё, — раздался насмешливый голос сбоку. Жанибек вздрогнул и обернулся. На обочине дороги, ухмыляясь, стоял Темирлан. Его друг, наперсник, и вечный источник подначек.

— Эх, друг, да ты по уши пропал, — продолжил он, подходя ближе. — Видел бы ты себя сейчас! Такой взгляд... буд-то ты уже жених её и идешь выбирать свадебный халат.

Жанибек фыркнул, усмехнулся и бросил в него пригоршню пыли с дороги.

— Лучше жених, чем трус, который только болтает, а сам даже с девкой-торговкой заговорить не решается.

Темирлан отскочил, отмахиваясь от пыли, но тут же рас-смеялся.

— Вот за это и люблю тебя, друг, — сказал он, хлопнув Жанибека по плечу. — Ладно, пошли в город. А то ты тут ещё на мечтах женишься и пропустишь самое важное — утренние лепёшки у старого Ораза.

— Ты только о еде и думаешь, — покачал головой Жанибек, но его губы дрогнули в улыбке.

— О чём же ещё думать в этом мире, полном несчастных влюблённых? — философски заметил Темирлан и шагнул вперёд.

Они зашагали по пыльной дороге, городские ворота приближались, а вместе с ними.

Жанибек только усмехнулся, но тут же почувствовал, как одно из вёдер стало легче. Темирлан, вздохнув, подхватил его.

— А ну давай сюда, пока ты в облаках витаешь, — пробормотал он. — Всё равно домой идти, а то твоя мать мне голову оторвет, если узнает, что я просто так стоял рядом,

пока ты таскал воду.

— Сомневаюсь, что она в силах оторвать тебе хоть что-то, — усмехнулся Жанибек, но благодарно кивнул.

— Не искушай судьбу, друг, — хмыкнул Темирлан. — Ладно, сначала воду отнесем, а потом к Оразу. К полудню лепёшки у него особенно хороши, с хрустящей корочкой и горячие...

Жанибек почувствовал, как у него заурчало в животе.

— Давай побыстрее, — буркнул он, ускоряя шаг. Они направились в сторону города.

Жанибек и Темирлан шагали в сторону города, ведра с водой раскачивались в такт их шагам. Вокруг сновали скотоводы, торговцы, гонцы, создавая привычную суету перед базарной площадью.

Но среди них были и те, кто не вписывался в этот хаос. У стен города стояли двое торговцев. На первый взгляд — обычные купцы, их телеги были нагружены мешками с зерном, тканями и керамикой. Но что-то в них настораживало: слишком молчаливые, слишком внимательные. Их взгляды не скользили по товарам и людям, как у других купцов, а цеплялись за лица, движения, привычки горожан.

Ещё один незнакомец сидел у входа в чайхану, перед ним стоял нетронутый кувшин с шербетом. Он лениво крутил в руках медный перстень, но глаза его не отдыхали — он внимательно следил за входящими и выходящими.

Жанибек и Темирлан не обратили на них внимания. Им

было не до этого.

— Слушай, а ты не думал, что если будешь так часто пялиться на Айсулу, её отец пошлёт стражу и выколет тебе глаза? — продолжил шутить Темирлан.

— Тогда ты будешь водить меня за руку, как слепого певца на базаре, — парировал Жанибек.

Темирлан рассмеялся, а подозрительные торговцы молча обменялись взглядами.

В Отраре было много глаз, и не все они принадлежали друзьям.

Жанибек и Темирлан, болтая и подшучивая друг над другом, прошли через городские ворота. Узкие улочки Отрара встречали их привычной суетой: запахами жареного мяса, дымом от глиняных печей, голосами зазывали стуком молотков в мастерских.

Они быстро добрались до дома Жанибека, небольшого, но уютного, с тенистым двориком, где мать Жанибека обычно сидела за работой. Сегодня её там не было — вероятно, ушла к соседке или на рынок.

— Ну вот, — Темирлан осторожно поставил ведро у стены. — Теперь, друг мой, мы можем заняться настоящим делом.

— Ты про еду?

— Разумеется! Разве есть в этом мире что-то важнее?

Жанибек усмехнулся, вытер руки о рубаху и шагнул обратно на улицу.

— Ладно, пошли, пока лепёшки ещё горячие.

И они направились к рынку, туда, где старый пекарь Ораз, известный на весь город, уже готовил новую партию душистых, хрустящих лепёшек.

Они уже почти дошли до рынка, когда улица внезапно замерла. Торговцы перестали звать покупателей, женщины отошли в тень, слуги поспешили уступить дорогу. По главной улице двигался конвой.

Впереди, в окружении стражников, ехал всадник в тяжелых шелковых одеждах, отороченных мехом. Его пояс украшали золотые бляхи, а на голове сидел высокий тюрбан с драгоценной застежкой. Он держался прямо, с достоинством, но в его лице читалась жёсткость. Это был Каир-хан, правитель Отрара.

Позади него двигался отряд воинов, вооруженных саблями и копьями, а ещё дальше — телеги, груженные мешками и сундуками.

— В цитадель едет, — шепнул Темирлан. — Интересно, о чём думает?

Жанибек промолчал. Он смотрел на хана и чувствовал: что-то висит в воздухе. Что-то, о чём простой ученик кузнеца еще не знает.

Каир-хан держался прямо в седле, его лицо было словно высечено из камня. Высокий лоб, хищный взгляд, жёсткие черты — всё в нём излучало власть и уверенность.

Вокруг него ехала стража. Воины были одеты в лёгкие

кожаные доспехи, усиленные металлическими пластинами, их головы покрывали шлемы с носовыми пластинами. На поясах висели кривые сабли, а за спинами — короткие луки, всегда готовые к бою. Их скакуны двигались плавно, без лишних движений, словно сами понимали, что сопровождают власть.

Позади хана двигалась его свита: визири, советники, знатные люди города, каждый в дорогих одеждах, с гордым видом, будто этот выезд — важнейшее событие дня. Кто-то из них тихо переговаривался, но, когда хан бросал взгляд в их сторону, сразу же замолкал.

Толпа вдоль дороги застывала, расступилась, склоняя головы.

Жанибек и Темирлан тоже остановились. Но не все в этом городе опускали взгляды. Те самые «торговцы», что так странно вели себя у ворот, теперь внимательно следили за Каир-ханом. Один из них, притворно перебирая бусы в руках, медленно поворачивал голову, словно запоминая каждую деталь. Другой, присев у прилавка с фруктами, делал вид, что выбирает гранаты, но в действительности рассматривал вооружение стражи. На миг их взгляды пересеклись. Каир-хан резко осадил коня, окинул толпу изучающим взглядом, но затем лишь махнул рукой. Конвой двинулся дальше, направляясь в сторону цитадели.

Жанибек вдруг почувствовал, что вокруг стало холоднее, хотя солнце палило так же нещадно. Когда конвой скрылся

за поворотом, жизнь на улице постепенно оживала. Торговцы снова зазывали покупателей, дети выбегали играть, люди продолжили свои дела.

— Ну и напыщенный у нас хан, — тихо пробормотал Темирлан, качая головой. — Ты видел, как он смотрел? Будто мы пылинки под копытами его коня.

Жанибек ничего не ответил. В его голове всё ещё крутилась сцена с подозрительными торговцами.

— Ладно, пошли уже, пока лепешки горячие! — Темирлан хлопнул друга по плечу и уверенно зашагал вперед.

Но едва они свернули на базарную площадь, как навстречу им рвануло небольшое стадо коней. Видимо, кто-то из конюхов не доглядел, и пара жеребцов, вздыбившийся, с грохотом промчались сквозь толпу.

— Осторожно! — раздались крики.

Жанибек успел увернуться, но Темирлан, не ожидавший такой подлости от судьбы, попытался отпрыгнуть в сторону и... наступил прямо в свежий навоз.

— О боги, за что?! — простонал он, оглядывая испорченный сапог.

Жанибек расхохотался:

— Вот тебе и наказание за болтовню про хана!

— Лучше бы ты ослеп, как сам предлагал! — пробурчал Темирлан, пытаясь стряхнуть грязь, но только ещё больше размазал её по ноге.

Несколько торговцев, видевших сцену, приснули со сме-

ху, а старый пекарь Ораз, наблюдая за происходящим из-за прилавка, ухмыльнулся:

— Зато теперь ты точно запомнишь этот день, парень. Ну что, будешь лепёшку с навозом или без? Толпа рассмеялась, а Темирлан тяжело вздохнул:

— Лучше двойную порцию, чтобы забыть этот кошмар...

Жанибек и Темирлан наконец добрались до лавки пекаря Ораза. Старик уже ждал их, лениво поглаживая длинную седую бороду. Перед ним на прилавке лежали только что вынутые из печи лепешки, румяные, хрустящие, с ароматной корочкой.

— Ну что, парни, брать будете? Или просто нюхать пришли? — усмехнулся он, протягивая одну лепёшку.

— Конечно, будем! — с энтузиазмом заявил Темирлан, но, залезая за пояс в поисках монет, вдруг осёкся.

Жанибек тоже потянулся за своими деньгами. У него было всего несколько медных монет, которых в лучшем случае хватило бы на пару лепешек и чашку кислого молока. Темирлан с неудовольствием вытащил несколько монет и подкинул их на ладони, прикидывая, сколько можно позволить. Затем, повернувшись к пекарю, с самым серьёзным лицом спросил:

— А если мы просто будем стоять рядом и глубоко дышать, ты нам скидку сделаешь?

Ораз хмыкнул и взял ровно столько монет, сколько требовалось за две лепешки и глиняный кувшин молока.

— Ешьте, пока горячие, — сказал он, возвращаясь к своей

печи.

Жанибек и Темирлан сели прямо на ближайшую скамью. Лепешка была вкусной, но уж очень быстро заканчивалась. Жевать приходилось медленно, словно растягивая удовольствие.

— Вот так живём, — вздохнул Темирлан, отламывая последний кусочек. — А ты ещё мечтаешь о богатстве и свадьбе с дочерью хана...

Жанибек ничего не ответил, только молча запил еду глотком прохладного молока. Вкус был терпким, но освежающим.

Где-то внутри у него вновь загорелось упрямое желание — когда-нибудь его стол будет ломиться от еды, а рядом с ним будет сидеть Айсулу. Но пока приходилось довольствоваться лепешкой да мечтами.

Доев последние крошки, Жанибек отставил кувшин с молоком и вытер ладонь о штаны. Темирлан вздохнул, заглянул в пустую тарелку и будто бы задумался о чём-то важном.

— Ну, хоть наелся? — спросил Жанибек.

— Не знаю... Скорее, напомнил себе, как хочется есть, — протянул Темирлан.

Они уже собирались уходить, когда голос Ораза остановил их:

— Парни, запомните: голод — лучший учитель. Он не только заставляет человека трудиться, но и учит беречь то, что у него есть.

Жанибек посмотрел на старика. В его глазах светилась не только мудрость, но и лёгкая грусть — будто он сам когда-то прошёл через те же мечты, что сейчас гнали вперёд молодого кузнеца.

— А ещё, — добавил пекарь, подбрасывая очередную лепешку в печь, — пустой желудок легче наполнить, чем пустое сердце. Жанибек молча кивнул.

Ветер принёс с собой запах пыли и далеких степей. День был еще в самом разгаре, но где-то в глубине души он уже чувствовал — впереди ждет что-то большее, чем просто работа в кузнице.

Он бросил последний взгляд на улицы Отрара, наполненные гомоном людей, скрипом телег и ржанием лошадей. Город жил своей жизнью, не подозревая, что вскоре этот покой будет нарушен.

Жанибек ещё не знал, каким будет его путь, но одно было ясно — он не собирался оставаться тем, кем был сейчас.

2. Ветер перемен

Сквозь узкое окошко из бычьего пузыря пробивался первый свет зари, окрашивая стены глиняного дома в мягкие охристые тона. Воздух был свеж, с легким привкусом трав и золы от затухающего ночного очага. Жанибек медленно открыл глаза, прислушиваясь к утренним звукам: где-то за сте-

ной уже вставали соседи, бляели овцы, поскрипывали телеги.

Мать, как всегда, проснулась раньше него. Её лёгкие шаги раздавались у очага, и вскоре по дому поплыл аромат свежих лепёшек. Она готовила завтрак – топила в котелке молоко, подогревала курут и доставала вяленое мясо.

– Просыпайся, балам, – позвала она, отодвигая полог, отделявший его лежанку от остальной части жилища.

Жанибек потянулся, сел и провёл рукой по лицу, прогоня остатки сна. Он быстро натянул штаны и кафтан, зашнуровал ремень и вышел во двор. Земля под босыми ногами была еще прохладной, но в воздухе уже чувствовался тёплый дыхание нового дня. У плетёного загончика переминались с ноги на ногу козы, а рядом в тени у стены лежал старый пёс, лениво поднимая голову на звук шагов.

Мать вынесла глиняную миску с молоком и горячие лепёшки. Жанибек сел прямо на пороге, с аппетитом откусывая кусок еще теплого теста.

– Сегодня работы много, – сказала мать, садясь рядом. – Кузнец просил передать, что к полудню нужны новые подковы.

Жанибек кивнул. Работа у кузнеца была тяжёлой, но он любил её – силу огня, звон молота, упругость раскаленного металла под ударами. Он знал, что впереди долгий день, но пока наслаждался этим тихим утром, вкусом свежего молока и запахом теплого хлеба.

Дети бегали по улочкам в легких кожаных чигисах, весело перекрикивая между собой. Мужчины спешили по делам в сапогах из выделанной кожи, а женщины ступали в аккуратных башмачках, прикрытых длинными подолами платьев.

Когда Жанибек свернул в переулок, он увидел, как Темирлан уже натягивал на ноги свои темные сапоги, лениво потягиваясь у порога.

— Опоздаешь — сам знаешь, что будет, — усмехнулся Жанибек.

— Знаю, знаю... Но ведь ты же меня дождался! — хмыкнул Темирлан, застегивая ремешки.

Вместе они направились к кузнице, шагая по затоптанным земляным дорогам города, где уже начиналась суeta нового дня. Жанибек шагал по утоптанной дороге, ведя за собой Темирлана. Город уже оживал — торговцы расставляли товары, дети пробегали мимо, смеясь, а женщины спешили по своим делам, неся кувшины с водой или корзины с лепешками.

Из лавок доносился запах свежее испеченного хлеба, а где-то в стороне уже слышался стук молотков — кузнецы с раннего утра принимались за работу.

— Опять мы последние, — буркнул Жанибек, увидев знакомое здание кузницы.

— Ничего, главное — не первые, — улыбнулся Темирлан

и хлопнул друга по плечу. Они шагнули внутрь, где в полумраке уже трудился их наставник — крепкий мужчина лет сорока пяти.

Кузнец, высокий и широкоплечий мужчина с густой бородой, даже не обернулся, когда Жанибек и Темирлан вошли в кузницу. Он продолжал работать — могучие руки уверенно удерживали клещи, а молот с глухим стуком опустился на раскалённый металл.

— Опять проспали, — проворчал он, наконец бросив на них взгляд. — Ладно, хватит терять время. Жанибек, займись углями, пусть горн держит жар. Темирлан, зачисти подковы, скоро скотоводы за ними придут. Охранники с пограничных застав тоже заказ оставили — наконечники для стрел и пару мечей.

Молодые люди молча кивнули и принялись за работу. В кузнице царил привычный полумрак, освещаемый лишь отблесками пламени. В воздухе стоял запах гари, железа и раскаленного угля.

За стенами кузницы город жил своей жизнью. Торговцы громко зазывали покупателей, в переулках перекликались дети, мимо проходили караваны с гружёными верблюдами. Где-то вдалеке слышалась игра на домбре, а ближе — звон чеканных монет на базарной площади. Мимо кузницы иногда проходили стражники, переговариваясь между собой, а вслед за ними двигались скотоводы, ведя на продажу овец и лошадей. Жизнь в Отраре текла, как река. Кузнец вытер пот

со лба и махнул рукой на Жанибека:

— Поработал — теперь беги на рынок. Нам нужен хороший точильный камень, а ещё купи пару прочных кожаных ремней для мехов. Возьми вот, — он сунул парню в руки небольшую кожаную сумку с деньгами. — У ремесленников спросишь, у кого лучше. Камень возьми у старого Уали, он в этом толк знает.

Жанибек кивнул, убрал сумку за пояс и вышел на улицу. Солнце уже поднялось выше, согревая глинобитные дома и пыльные улицы. Город жил своей обычной жизнью — повозки скрипели на ухабах, дети бегали между торговыми рядами, женщины в длинных камзолах покупали пряжу и ткани.

На базарной площади было шумно: ремесленники предлагали седла и сбрую, скотоводы спорили о цене за жеребят, а охранники городских ворот переговаривались между собой, поглядывая на проходящих людей. В воздухе смешивались запахи свежего хлеба, горячего молока и раскаленного железа.

Жанибек ловко лавировал среди толпы, направляясь к нужным торговцам. Жанибек шел между рядами, высматривая старого Уали, как вдруг заметил оживление у лавок с тканями. Люди расступались, давая дорогу небольшой процессии. Впереди шагали четверо гвардейцев в лёгких доспехах, с саблями на поясах, а позади — ещё двое. В центре среди них выделялась девушка в светло-голубом камзоле, расшитом серебряной нитью.

Айсулу.

Она неспешно шла между рядов, касаясь кончиками пальцев свисающих отрезков шелка и бархата. Её длинные тёмные волосы были заплетены в две тонкие косы, украшенные серебряными бусинами, а на голове красовалась невысокая тюбетейка с вышивкой. Глаза, темные и задумчивые, внимательно разглядывали ткани, а губы то и дело слегка шевелились — она переговаривалась с продавцом, уточняя качество привезённых материалов.

Рядом с ней, словно тень, стоял её средний брат — Сарсен. Высокий, крепкий, с резкими чертами лица, он выглядел старше своих лет. Ему было около двадцати трёх или чуть больше, но суровое выражение лица и два старых шрама на скуле и шее делали его еще грознее. Его темные глаза неотрывно следили за окружающими, оценивая каждого, кто проходил мимо. Длинный меч за поясом и уверенная стойка выдавали в нём опытного воина.

Айсулу сосредоточенно изучала ткани, а Сарсен стоял рядом, сложив руки на груди, будто надзиратель. Он не вмешивался в выбор сестры, но его взгляд то и дело пробегал по толпе, отмечая малейшее движение.

Жанибек застыл на мгновение, невольно задержав взгляд на девушке. Однако он быстро опомнился и шагнул дальше, стараясь не привлекать к себе внимания.

Жанибек уже собирался пройти мимо, как вдруг почувствовал, что в толпе что-то изменилось. Сначала это был

лишь легкий шум — кто-то торопливо зашептал, кто-то резко шагнул в сторону. Затем раздался вскрик, и один из торговцев начал размахивать руками, указывая на юркую тень, мелькнувшую между людьми.

— Вор! Держи его! — закричал кто-то.

Мальчишка лет двенадцати, оборванец с хитрым взглядом, метнулся через площадь, сжимая в руках что-то небольшое и блестящее. Гвардейцы тут же пришли в движение — двое бросились в погоню, а Сарсен рванулся вперёд, расталкивая зазевавшихся прохожих. В этот момент Айсулу, которую брат только что прикрывал собой, сделала шаг назад — прямо в Жанибека. Он инстинктивно подставил руки, чтобы она не упала, и внезапно они остались наедине.

Девушка, ощутив чужое прикосновение, резко развернулась, готовая резко отпрянуть, но увидела перед собой Жанибека. Их взгляды встретились. На несколько мгновений мир вокруг будто замер. Шум толпы, крики торговцев, топот бегущих гвардейцев — всё ушло на второй план. Только её тёмные глаза, в которых отразилось удивление, и его напряженное дыхание.

Айсулу первой нарушила тишину:

— Кто ты?

Жанибек почувствовал, как у него пересохло в горле. Он знал её имя, он много раз видел ее издалека, но никогда не думал, что окажется так близко.

— Я... — начал он, но тут же услышал, как возвращаются

гвардейцы.

Сарсен был первым. Он остановился, окинул сестру быстрым взглядом, а затем его внимательные глаза устали на Жанибека. Взгляд, в котором читался немой вопрос и предупреждение.

— Всё в порядке? — его голос был резким, с оттенком недовольства.

Айсулу спокойно кивнула, но не спешила отходить от Жанибека.

Жанибек почувствовал, как по спине пробежал холодок. Сарсен смотрел на него так, будто оценивал — угроза он или ничтожество, достойно ли его присутствие рядом с сестрой.

Жанибек сглотнул, чувствуя, как пересохло в горле. В голове было пусто, все мысли спутались. Он мог бы сказать что-то — поклониться, пробормотать извинения, но вместо этого он резко развернулся и быстро зашагал прочь, почти бегом, словно боялся, что если останется ещё хоть мгновение, сделает или скажет что-то глупое.

Он услышал за спиной голос Сарсена, который отдавал какие-то распоряжения. Но его больше волновало другое — взгляд Айсулу.

Да, он увидел, как она провожала его глазами. Не с гневом, не с презрением, а с чем-то другим. Интересом? Задум-

чивостью? Он не знал. Но этот взгляд обжег его сильнее, чем жара полуденного солнца.

Только свернув за угол, он наконец смог вздохнуть полной грудью. В груди колотилось сердце, а в голове звучал её голос: *"Кто ты?"*

Жанибек крепче сжал кулаки и ускорил шаг. Нужно было успокоиться. Нужно было идти дальше. Кузнец не станет терпеть опозданий.

Жанибек шагал сквозь шумный рынок, стараясь прийти в себя после встречи с Айсулу. Сердце ещё билось быстро, но он заставил себя сосредоточиться на деле. Кожаный ремень, точильный камень — всё это нужно было купить и вернуться в кузню, пока мастер не начал ворчать.

Лавки торговцев рассыпались вдоль узких улиц, и среди обычного гула города вдруг промелькнуло нечто странное. Чуть в стороне, под навесом из выцветшего войлока, несколько человек стояли особняком. Они не выглядели как местные купцы или скотоводы — слишком молчаливые, слишком внимательные.

Один из них, сутулый, в поношенном халате, лениво смотрел по сторонам, но глаза его изучали толпу. Второй, с узкими глазами и тонкими усами, будто бы случайно оказался рядом с местом, где только что был карманник. Они переглянулись, едва заметно кивнули друг другу, а затем растворились в людском потоке.

Жанибек почувствовал, как по спине пробежал холодок.

Кто они? Торговцы, потерявшие интерес к делу? Наёмники? Или просто случайные люди?

Но думать об этом некогда. Он ускорил шаг, направляясь в сторону кузни. На ходу он поправил у себя на плече купленный свёрток кожи, ощущая его тяжесть, и попытался выбросить из головы ненужные мысли.

Город жил своей жизнью. Вдалеке раздавался стук молотков, скрип повозок, крики зазывал. Но где-то в этом привычном шуме пряталась чуждая, невидимая угроза.

Жанибек вернулся в кузню, но мысли его оставались далеко от работы. Образ Айсулу, её ясные глаза, лёгкое движение губ, когда она собиралась что-то сказать... Всё это крутилось в его голове, словно пламя в горне, раздуваемое ветром.

— Ты где пропадал так долго? — буркнул мастер, отбирая у него покупку. — Давай за дело! Жанибек кивнул, пытаясь сосредоточиться. Он схватил клещи, поднес заготовку к огню и, как учили, ждал, пока металл накалится до нужного цвета. Но в тот момент, когда он собирался поднять молот, его вновь накрыли мысли о встрече.

Как так вышло, что он остался с Айсулу наедине? Как она посмотрела на него? Испугалась? Удивилась?

— Жанибек, ты что делаешь?! — раздался голос мастера.

Он моргнул, заметив, что чуть не схватился за раскаленный край железа голой рукой. Вовремя отдернул ладонь, но горячий воздух обжег кожу. Темирлан, который трудился рядом, хмыкнул:

— Совсем голову потерял? Эй, смотри, как бы не влюбился!

Жанибек раздраженно дёрнул плечом, молча сжал челюсти и сосредоточился на работе. Но мысли об Айсулу не уходили, как ни старался.

Айсулу молча следовала за братом и охраной, направляясь в цитадель. Её мысли, как и у Жанибека, вертелись вокруг неожиданной встречи. Этот юноша... она видела его прежде, но впервые так близко. Его глаза... Они были не такими, как у придворных юношей, что пытались заигрывать с ней. В них не было лести или страха, а только искреннее замешательство, словно он не ожидал, что судьба столкнет их лицом к лицу. «Кто он?» — думала Айсулу, машинально касаясь кончиков своих волос.

Но долго размышлять времени не было — ворота цитадели распахнулись, и её брат, Сарсен, уверенно направился внутрь, ведя сестру к отцу. В зале для совещаний уже ожидал старший брат, Караш.

Старший брат Айсулу, Караш, был мужчиной 35-40 лет, с военной выправкой и суровым, чуть усталым взглядом. Его лицо пересекали глубокие шрамы, полученные в сражениях, а седые пряди уже пробивались в чёрные волосы. В отличие от вспыльчивого и дерзкого Сарсена, Караш был хладнокровен и сдержан, его голос всегда звучал ровно, без лишних эмоций.

Каир-хан сидел на возвышении, держа в руках небольшой нож, которым рассеянно играл, пока слушал доклады советников. При появлении детей он поднял голову и указал им занять места рядом.

Каир-хан слушая доклады советников. Он рассеянно водил пальцем по краю чаши с кумысом, но взгляд его был цепким. При появлении детей он жестом пригласил их сесть рядом.

— Как обстоят дела на рынке? — обратился он к Сарсену.

— Всё спокойно, отец, — ответил средний брат. — Торговля идёт, купцы из Хорезма привезли ткани и пряности, кипчаки пригоняли табуны лошадей. Правда, цены растут — слишком много чужаков, скупающих зерно и кожу.

— Насчёт зерна уже говорили, — вмешался Караш, сложив руки на груди. — Если так пойдёт дальше, придётся ввести ограничения, иначе осенью будут трудности.

— Ты слишком мрачен, брат, — усмехнулся Сарсен. — Разве плохо, что товар уходит? Это золото в казне, а не в мешках у торговцев.

— До тех пор, пока покупатели не окажутся врагами, — заметил Караш.

Айсулу молча слушала их. Разговоры о гвардии, поставках и постах вокруг города были ей привычны, но сегодня в словах старшего брата прозвучала тень сомнения.

— Ты хочешь сказать, что среди чужаков могут быть лазутчики? — спросил Каир-хан, приподняв бровь. Караш

кивнул.

— Не исключено. Есть люди, которые слишком много спрашивают о наших гарнизонах и запасах. Пока что это только купцы, но я приказал за ними следить.

Караджа-хаджиб сидел поодаль, прислушиваясь к разговору. Когда речь зашла о подозрительных чужаках, он лениво провел рукой по краю своей длинной темной одежды и усмехнулся.

— Вы слишком мнительны, господин мой, — произнёс он, обращаясь к Каир-хану. — Торговцы всегда спрашивают, особенно перед зимой. Они не воины, а всего лишь люди, ищущие выгоду.

Караш метнул в него жесткий взгляд.

— Лишняя бдительность еще никому не повредила, хаджиб.

— Но и излишняя подозрительность тоже, — спокойно парировал Караджа. — Разве враг станет тратить силы на нас, разумнее договариваться, чем воевать.

Каир-хан, не выражая эмоций, выслушал его.

— И всё же, если у них есть договор с хорезмшахом, то зачем ему мир с нами?

Караджа улыбнулся, словно взрослый, снисходительно объясняющий ребёнку очевидные вещи.

— Потому что его армия велика, но не бесконечна. Вы же сами знаете, сколько сил нужно, чтобы взять крепость. Они не станут этого делать, пока не будет уверен, что оно того

стоит. Караш покачал головой, недовольный таким ответом.

— Если он нападет, ты всё так же будешь верить в мирные намерения?

Караджа чуть склонил голову и улыбнулся:

— Если он нападет, то мы не устоим. Это всем ясно.

В зале повисла напряженная тишина. Слова хаджиба прозвучали слишком уверенно. Казалось, он не сомневался в исходе возможной войны. Каир-хан внимательно посмотрел на него, но ничего не сказал. Караш сжал кулаки, но промолчал.

Разговор перешел к другим вопросам: караванам, сбору налогов, отправке обозов с солью в соседние города. Айсулу задумчиво слушала, но мысли её время от времени возвращались к случайной встрече на рынке.

3. Тайна в степи

Утро в Отраре выдалось прохладным, но солнечным. По улицам уже сновали люди, готовясь к празднику скота — важному событию для города. В воздухе витали запахи свежего хлеба, шерсти и конского пота, а торговцы оживленно переговаривались, обсуждая цены на лучших скакунов.

В кузнице, как всегда, стоял гул. Жанибек и Темирлан заканчивали последние дела перед долгой дорогой. Кузнец, вытирая пот со лба, строго посмотрел на них:

— А ну, молодцы, слушайте внимательно. Вам надо съездить на рудники за углём. Без хорошего угля железо мягче осеннего теста! Возьмёте ишака, чтобы не надорваться.

Темирлан фыркнул и взглянул на животное, которое уже было привязано у входа. Исхудавший ишак, лениво жующий сено, казался совершенно равнодушным ко всему происходящему.

— Вот и компаньон тебе под стать, — ухмыльнулся Жанибек, похлопывая друга по плечу.

— Очень смешно, — проворчал Темирлан. — По-моему, он даже слишком умен для компании с тобой. Видишь этот взгляд? Полон мудрости и страдания.

Кузнец тяжело вздохнул:

— Вам лишь бы языками чесать. Лучше следите, чтобы этот ишак не утащил вас в степь, а то, глядишь, поумнеете от общения с ним.

Прихватив еду в дорогу и проверив упряжь, друзья отправились в путь. Рудники находились в нескольких часах езды от города, и, если всё пойдёт гладко, к вечеру они уже будут дома.

Жанибек шагал впереди, ведя ишака за повод. Темирлан плёлся рядом, зевая и лениво размахивая кнутом, который он прихватил «для важности».

— Знаешь, я тут подумал, — заговорил Жанибек, нахмурившись. — Уже два дня подряд я вижу одних и тех же людей в толпе. Одеты как торговцы, но ведут себя странно.

— Может, просто покупатели? — лениво отозвался Темирлан. — Хороший рынок — люди возвращаются.

— Не такие, — покачал головой Жанибек. — Они не тор-

гуются, не выбирают товар, просто ходят, наблюдают...

Темирлан скептически покосился на друга.

— Может, это ты просто слишком часто их разглядываешь? Вдруг они теперь думают, что ты за ними шпионишь?

Жанибек только вздохнул. Ему не хотелось спорить, но тревожное чувство не проходило. Жанибек и Темирлан наконец дошли до рудника. Воздух здесь был пропитан угольной пылью, и даже солнечный свет казался чуть тусклее. Рабочие, покрытые копотью, молча копали и грузили уголь в мешки.

— Ну, вот мы и на месте, — проворчал Темирлан, с неохотой закатывая рукава. — Давай быстрее управимся, пока наш ишак не сбежал.

— Ты про какого? — усмехнулся Жанибек. — Про этого или про того, что идёт рядом со мной?

Темирлан фыркнул и без особого энтузиазма схватил один из мешков. Они быстро наполнили два своих мешка углём, завязали их и привязали к спине ишака.

— Всё, идём обратно, — сказал Жанибек, отряхивая руки.

— Вот бы кто-нибудь нас похвалил за труд, — вздохнул Темирлан, — но нет, нас ждёт только дорога и пыль.

— И, возможно, шпионы, — тихо добавил Жанибек, снова вспомнив свою тревогу. Они развернулись и направились в сторону города

Жаркое солнце уже поднималось выше, и степь начина-

ла раскаляться, словно ковыльные поля вот-вот вспыхнут от зноя. Дорога назад казалась длиннее, чем утром: ветер стих, и даже редкие кусты саксаула не давали тени.

— Я умираю, — протянул Темирлан, шаркая ногами. — Если не поесть прямо сейчас, боюсь, мой дух покинет этот бранный мир.

— Твой дух слишком ленив, чтобы подниматься на небеса, — усмехнулся Жанибек. — Останется тут, среди пыли.

— Тогда тем более надо поесть, пока мой дух еще при мне! — Темирлан огляделся. — Вон, смотри, там в низинке деревья. Тень, прохлада, птички поют... Чувствуешь? Они зовут нас.

— Это, скорее, твой живот зовёт, — покачал головой Жанибек, но предложение его тоже соблазнило.

Они свернули с дороги и направились в сторону небольшой рощицы. Кое-где среди травы пробивались яркие полевые цветы, стрекозы порхали над маленьким пересохшим ручейком. Здесь было прохладнее, и в тени можно было хоть немного перевести дух. Жанибек привязал ишака к стволу дерева, а Темирлан тут же плюхнулся на землю, разворачивая свой скромный узелок с лепешкой и сыром.

— Ах, наконец-то! — протянул он, откусывая большой кусок.

Жанибек сел рядом и, вытянув ноги, посмотрел в небо. Голубая бездна простиралась бесконечно, редкие облака лениво плыли куда-то на восток. Глаза сами собой начали за-

крываться.

— Тридцать минут... не больше... — пробормотал Темирлан, закидывая руки за голову.

Жанибек тоже позволил себе прикрыть глаза. Густая листва шумела над ними, ветер легкими пальцами перебирал траву. Казалось, время застыло.

Жанибек не знал, сколько прошло времени — может, несколько минут, может, час. Ветер стал чуть сильнее, прохладнее, но всё равно ласковым. Где-то рядом лениво переступал копытами ишак, а Темирлан издавал мерное посапывание, явно наслаждаясь послеобеденной дремотой.

Внезапно тишину нарушил едва слышный шорох. Жанибек приоткрыл один глаз. Казалось, будто кто-то крадётся сквозь траву. Он напряг слух. Точно — едва заметное движение, хруст сухой ветки.

Резко сев, он тут же схватился за нож. В нескольких шагах от них, в тени дерева, склонился человек — худой, измождённый, с грязным лицом, в рваной одежде. Его длинные волосы спутались, а глаза горели диким блеском. Одна рука уже тянулась к остаткам лепёшки, лежавшей рядом с Темирланом.

— Эй! — грозно окликнул Жанибек.

Чужак вздрогнул, но вместо того чтобы бежать, попытался схватить еду и сунуть её в рот.

— Держи его! — взвыл Темирлан, резко проснувшись.

В одно мгновение они с Жанибеком вскочили, а беглец,

поняв, что его поймали, попытался вырваться. Но сил у него уже почти не осталось. Жанибек схватил его за плечи, повалил на землю.

— Пусти... пусти... — прохрипел человек.

— Кто ты? — Жанибек не ослаблял хватки, внимательно всматриваясь в лицо незнакомца.

Темирлан тоже опомнился и, жадно хватая воздух, поднял с земли свою лепёшку.

— Чуть не украл мою еду! Грязный вор!

— Я... не вор... — прохрипел беглец. Голос был хриплым, будто он давно не пил. — Я... просто... голоден...

Жанибек посмотрел на него внимательнее. Одежда чужака была изрядно потрепанной, но когда-то явно добротной, не бедняк. На плече виднелся след от зажившего ранения.

— Откуда ты? — строго спросил он.

Незнакомец глотнул слюну, облизал пересохшие губы.

— Я... — он замолчал, глядя на них с тревогой.

— Говори! — рявкнул Темирлан.

— Бежал... из лагеря... — слова давались ему с трудом, да и диалект был странным, будто он говорил с другим акцентом.

Жанибек переглянулся с другом.

— Какого лагеря?

— Монголы... — выдохнул беглец. — Я был... их пленником...

Жанибек немного ослабил хватку, но настороженность не

исчезла. Беглец тяжело дышал, его глаза метались между ними, будто он всё ещё не был уверен, что ему поверят.

— Я из Семиречья... — прохрипел он, глотая воздух. — Монголы... напали на наш аул... Всех либо перебили, либо увели...

Темирлан нахмурился:

— Значит, ты пленник?

Чужак кивнул:

— Да... я был у них. Гнали нас через степь... цепями связали, словно скот. Кто не мог идти — убивали. Я... чудом сбежал...

Жанибек внимательно смотрел на беглеца. Худой, измождённый, с запавшими глазами, но в его взгляде читалось что-то ещё — упорство, отчаянная жажда жизни.

— Как сбежал? — спросил он.

Чужак слабо усмехнулся.

— Ночью... охранники выпили кумыс... один уснул... Я сумел выбраться... Прятался в степи... Пил грязную воду из луж... ел коренья, траву... — Он на секунду прикрыл глаза. — Уже две недели скитаюсь... почти ничего не ел...

Темирлан шумно выдохнул, почесал затылок и взглянул на Жанибека:

— Ну и что будем с ним делать? Он чуть не украл мой обед, но, кажется, у него есть причина... Беглец кивнул, жадно доедая лепёшку. Его лицо выражало смесь облегчения и страха.

— Я... из Семиречья. Наш аул сожгли, — наконец выговорил он. — Монголы пришли внезапно. Мы не были готовы...

Жанибек внимательно слушал, хмурясь.

— Ты сбежал?

— Меня взяли в плен. Как и многих других... — Беглец опустил голову. — Но потом я нашёл момент. Охранники заснули, и я ушёл в степь. Думал, что умру там, но... добрался сюда.

Темирлан почесал затылок.

— Значит, ты видел монголов вблизи?

Беглец кивнул.

— Видел. Их много. И они жестоки. Они не оставляют в живых никого, кто сопротивляется...

Жанибек сжал кулаки.

— Отведем тебя к хану. Ты должен рассказать всё, что знаешь.

Беглец испуганно посмотрел на него.

— К хану?..

— Да. Это важно, — твёрдо ответил Жанибек.

Темирлан вздохнул и взглянул на ишака:

— Ну что, теперь нас трое. Надеюсь, наш верный ишак не подумает, что я решил его подменить. Жанибек усмехнулся:

— Если что, понесешь его на себе.

Темирлан махнул рукой:

— Вот уж нет!

Так они отправились в обратный путь, унося с собой не только уголь, но и тревожные вести. Жанибек и Темирлан благополучно добрались до города, перегруженный ишак тяжело топал за ними, но уже у самого входа радостно встряхнул головой, почуяв знакомые улицы.

— Видишь? Даже ишак рад, что мы наконец вернулись!

— усмехнулся Темирлан, похлопав животное по бокам.

— Может, ты его язык понимаешь? — поддел его Жанибек.

— Конечно! Он говорит: «Больше никогда не нагружайте меня так, негодники!»

Они рассмеялись, но тут же опомнились, когда снова взглянули на беглеца. Тот выглядел измученным, но тревога в его глазах не исчезла.

Они быстро передали уголь кузнецу, а затем повели чужака к городской страже. Один из стражников, хмурый широкоплечий воин, выслушал их рассказ и после короткого раздумья кивнул.

— Хорошо. Я лично провожу вас во дворец. Хан должен знать об этом человеке.

Однако, едва они ступили на рынок, беглец вдруг резко остановился. Его глаза расширились от ужаса, руки задрожали.

— Они здесь... — прошептал он.

— Кто? — насторожился Жанибек.

Беглец не ответил. Он бросился было в сторону, но Темирлан среагировал быстрее и схватил его за плечо.

— Стой! Ты куда?!

— Они... они убьют меня! Я их видел! — задыхаясь, выпалил чужак, указывая на нескольких торговцев в толпе.

Жанибек всмотрелся. Те самые подозрительные люди, которых он замечал последние дни.

— Хватит привлекать внимание! — прошипел он, с силой развернув беглеца. — Мы всё равно ведём тебя к хану. Ты будешь в безопасности.

Тот всё ещё дышал тяжело, но не сопротивлялся. Стражник, уловив напряжение, незаметно дал знак двум своим товарищам, которые тут же встали по обе стороны от беглеца.

— Идём. И побыстрее, — приказал он.

Так они, ускорив шаг, направились к дворцу, оставляя позади шумный рынок, где среди толпы затерялись опасные тени. Впереди их ждали разговор с Каир-ханом и долгожданная встреча с Айсулу..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.